

приятии, чем на рациональном. В связи с этим он подвержен коррекции через эмоционально-чувственную сферу, например, через искусство. Регулятивная идея воспринимается славянином не через логическое умозаключение, а через сердце; на этом же основан феномен его духовного преображения.

Нравственность всегда тождественна эстетическим взглядам и идеалом, поэтому также важно формирование у молодежи эстетического сознания.

Преобразование внутреннего и внешнего мира по законам красоты – одна из основных задач человечества.

Повлиять на мироощущение индивида, воздействовать на его убеждения, на его поведение и деятельность можно через эстетическое миро-восприятие.

Искусство несет в себе огромный эмоциональный заряд, оно может дать человеку высшие идеалы и принести подлинную радость.

Эмоциональное переживание дает толчок к размышлению, в результате на постоянно совершенствующейся чувственной основе происходит становление сознания. Важно, чтобы представления о гуманизме, добре, красоте не были ложными. Непременным условием адекватного восприятия искусства является эстетическое развитие индивида.

Человек должен уметь чувствовать прекрасное во всем: в вещах, в работе, в человеческих отношениях, в окружающих людях и в самом себе.

СОБОРНОСТЬ КАК СОЧЕТАНИЕ ЕДИНСТВА И СВОБОДЫ

В. Н. Яхно

*Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого,
Республика Беларусь*

Соборность – одно из главных понятий славянофильства. Основные представители данного направления религиозно-философской мысли России середины XIX в. – А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, И. С. Аксаков, К. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин – анализируя цель истории, приходят к убеждению, что главная ее задача состоит в воссоздании братского единства человечества на основе православия. Существенную роль в реализации этой цели они отводят идее соборности.

Соборность – специфическое понятие русской философии, не имеющее точных эквивалентов в других языках, было предложено и разработано в учении А. С. Хомякова. В своей концепции он отмечает, что культура народа (по терминологии славянофилов просвещение) зависит от двух факторов: во-первых, от национального характера, как бы почвы, и, во-вторых, от религии, как бы семени. Именно религиозная идея определяет характер всей культуры. «Выньте» христианство, писал Хомяков, из истории Европы, а буддизм из Азии и вы ничего не поймете в истории этих культур. Анализ религии, в конечном итоге, превращается у него в философию культуры, противопос-

тавляющей Восток и Запад. Критика западной культуры – это прежде всего критика католицизма: в католической авторитарной церкви, считает Хомяков, есть единство без свободы, а в протестантизме – свобода без единства, и только в православии осуществляется принцип соборности, то есть реализуется сочетание единства и свободы «многих лиц» на основе нравственных законов и совместной любви к Богу. Другими словами, истинное христианство, по мнению Хомякова, – православие, которое по сути своей соборно. Следовательно, перед Россией, как главным оплотом православия, стоит великая сверхзадача: не только перестроить свою жизнь на подлинно христианских началах, но донести эту идею свободного единения на принципах любви до своих братьев. «Если есть какая-либо истина в братстве человеческом, если чувство любви и правды и добра не призрак», а живая и не умирающая сила, основа будущей мировой жизни, то не «Германец, аристократ и завоеватель, а Славянин» призывается к решению «плодотворной» задачи единения.

Вслед за А. С. Хомяковым идею соборности разрабатывают И. В. Киреевский и К. С. Аксаков. У последнего мы видим некоторую «социологизацию» понятия соборности, он фактически отождествляет соборность и общину, в которой «личность свободна, как в хоре».

Исторические судьбы проблемы соборности противоречивы. Позднее понимание соборности все более и более политизировалось, эволюционируя в сторону панславизма и национализма. Так, в творчестве таких значительных мыслителей, как Н. Я. Данилевский или К. Н. Леонтьев, идеи соборности коренным образом переосмысливаются в рамках учения о культурно-исторических типах (цивилизациях). Тем не менее, позже, проблемы теории соборности оказали значительное влияние на таких крупнейших представителей русской религиозной философии, как В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин и другие.

Итак, дальнейшее развитие идеи соборности мы видим у В. С. Соловьева. Хотя известный философ, чтобы отмежеваться от «эпигонов» славянофильства, отказался от использования термина «соборность», он активно использует основные идеи данного учения. В конечном итоге, именно идея соборности у В. С. Соловьева трансформируется в идею всеединства, которая, в свою очередь, становится главной темой его творчества. Что же такое всеединство? «Я называю истинным или положительным, всеединством такое, в котором единое существует не на счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотою; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия»²⁸.

Термин «соборность» возвращает в российскую философию последователь и друг В. С. Соловьева – С. Н. Трубецкой. В цикле статей «О природе человеческого познания» ученый предлагает теорию о «соборной природе

²⁸ Соч.: В 2т. – М., 1988. – Т. 2. – С. 552

сознания». Предложенное учение развивает и углубляет идеи Хомякова и Киреевского с учетом «философии всеединства» Владимира Соловьева. Идеал соборности у Трубецкого означает совпадение трех основных начал бытия человека: религиозного, нравственного и социального и, тем самым, противопоставит как индивидуализму, так и социалистическому коллективизму.

В эпоху «между двух революций» определенный возврат к славянофильским идеям наметился у символистов. Наиболее ярким представителем этого направления был известный поэт и мыслитель В. И. Иванов. Понимание соборности у него имеет скорее мистический смысл. Исходя из «предчувствия» «новой органической эпохи», он создает театрально-эстетическую утопию, должную завершиться созданием «обновленного соборного духа». Интересно заметить, что создавая свою мистическую концепцию, В. И. Иванов опирается не только на идеи славянофилов о соборности (с учетом идей, высказанных по этому поводу Соловьевым, Трубецким и Достоевским), но и на учение немецкого философа Ф. Ницше о культуре. Культура – диалектическое сочетание двух противоположных начал: аполлоновского и дионисийского – у Иванова последнее означало коллективизм, слияние всех воедино или соборность.

После Октябрьской революции судьба данной научной проблемы большей частью связана с творчеством российских философов-эмигрантов. Так, понятие соборности активно разрабатывал С. Л. Франк. Этот известный философ понимает соборность как «внутреннее органическое единство», которое лежит в основе всякого человеческого общения, всякого единства людей. Первичной и основной формой единства Франк считал единство брачно-семейное, далее – религиозную жизнь и, наконец, общность «судьбы и жизни всякого объединенного множества людей».

Есть среди исследований проблемы соборности и представители строгого церковно-богословского направления понимания данного термина. Среди них прежде всего следует упомянуть С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского. Так, по Булгакову, соборность – душа православия и означает вселенскость, единую жизнь в единой истине. Взгляды же Флоренского как бы возвращают нас к творчеству А. С. Хомякова: здесь соборный есть всеединный, но не в действительности, а только в возможности. В реальной же жизни верующих соборность есть такая же задача, как и «единство и нравственное совершенство».

Наиболее интересным и удачным продолжением и даже в каком-то смысле альтернативой изысканиям в области проблем соборности стало понятие солидарности, разработанное С. А. Левицким. Солидарность (или, более строго, солидаризм) Левицкий рассматривает как фактор развития, получивший наивысшее развитие в христианстве, которое является наиболее чистым выражением солидарности, переросшей семейные, клановые и национальные рамки. Таким образом, иерархия солидарности (соборности) строится от внутрисемейного до общечеловеческого единства.